

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. Т. Б. Панкратова

г. Москва, Россия

ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОЗА В. А. КУРОЧКИНА

Аннотация: Деревенская проза Виктора Александровича Курочкина почти не исследована. Некоторые произведения вышли только после смерти писателя. Многие из деревенских произведений писателя не переиздавались и не известны современному читателю. Причиной тому, на наш взгляд, стало несогласие Курочкина следовать партийным установкам — он смело отражал свой взгляды в произведениях, что зачастую и являлось причиной отказов в переиздании и опубликовании многих его произведений. При этом Курочкина нельзя назвать диссидентом, так как он отнюдь не призывал к свержению правящего строя, а лишь художественно правдиво и с доброй иронией изображал несправедливости и недостатки, с которыми ему самому приходилось сталкиваться в жизни. На первом месте для него всегда оставался человек с его сложным внутренним миром, в виду чего его произведения оказались вне времени и актуальны по сей день. В статье рассматриваются новаторство и оригинальность деревенской прозы Виктора Курочкина в контексте творчества писателей его поколения. Многие произведения впервые выступают объектом исследования. Выявляются основные особенности деревенской прозы Курочкина. Произведения рассматриваются в сопоставлении с другими произведениями 1950–1960-х гг. Кроме того, показана эволюция деревенской прозы Курочкина. Статья меняет представление о литературном процессе того времени и месте деревенской прозы В. Курочкина в нем. Обоснованы новаторство и оригинальность деревенской прозы Курочкина.

Ключевые слова: деревенская проза, психологизм, внутренний мир, ирония, животный мир, природа, внутренняя красота, проблемы деревни, старики, угасание деревни.

Информация об авторе: Татьяна Борисовна Панкратова — соискатель ученой степени кандидата филологических наук, Литературный институт имени А. М. Горького, ул. Тверской Бульвар, д. 25, 123104 Москва, Россия. E-mail: Terraincognita-825@yandex.ru

Дата поступления статьи: 12.01.2017

Дата публикации: 15.03.2017

Виктор Александрович Курочкин прежде всего известен как писатель военной темы, однако тема деревни не менее важна в его творчестве.

Его повести и рассказы не были обойдены вниманием критики и литературоведов. О нем написана книга С. Панферова «Земля и небо Виктора Курочкина: Литературный портрет в интерьере из четырех повестей», автор не преследовал научной цели, а стремился создать портрет замечательного человека, нашего современника, однако в книге много интересных деталей, подробностей биографии писателя, кроме того, это практически единственная попытка обобщающей работы о творчестве писателя, в которой рассматриваются сразу четыре повести писателя. До него аналогичную попытку предприняла Раиса Мессер в книге «Идущие вослед: Литературные портреты» в статье «Свой голос». Разбирая первые рассказы писателя, она сравнивает их с рассказами Овечкина и Троепольского. Однако рассматривает она, конечно, далеко не все его произведения, да и во многом с заданных позиций советской критики.

Курочкину также посвящены статьи Г. Горышина, В. Конецкого, Г. Нестеровой-Курочкиной, П. Басинского, С. Федякина и др. Его книги рассматривали в своих рецензиях: В. Кожин, С. Орлов, В. Дягелев, Ю. Манн и многие другие. Но до сих пор не было обобщающей исследовательской работы, хотя нынче уже очевидно, что такой серьезный разговор о творчестве В. А. Курочкина необходим, так как Виктор Курочкин сыграл значимую роль в литературном процессе своего времени. Именно это обстоятельство и обусловило наше обращение к его наследию.

В данной статье мы обратимся к обзорному анализу деревенской прозы писателя, с целью выявления ее специфики и особенностей, а также определения места прозы Курочкина в литературе о деревне.

Путь Виктора Александровича Курочкина в большую литературу как бы повторил творческие искания писателей фронтового поколения (Ю. Бондарева, Г. Бакланова и др.), к которому он принадлежал. Как и они, свою литературную судьбу он начал с произведений, которые не имели отношения к тому, что ими было пережито на войне. Их первые очерки и рассказы были о деревенских жителях. Многие из них ехали в деревню по заданию редакции и писали ее как бы со стороны. Курочкин уже здесь отличался, он родился и вырос в деревне, и не понаслышке знал о проблемах ее жителей, он писал свою деревню изнутри.

Его рассказ «Пастух» стал одним из самых первых художественных текстов, представивших послевоенную деревню в творческом арсенале Курочкина. Он был опубликован в 1952 г. в «Ленинградской правде». В нем писатель создает интересный образ старика Фаддея. Так у Курочкина появляется прообраз всех дальнейших деревенских стариков и старух, хранителей памяти, традиций, исконных деревенских устоев. Они как бы связывают поколения человеческого рода. Курочкин часто будет «заселять» ими свои произведения, как и поколение деревенщиков, которые придут в литературу позже. Конечно, старики не случайно становятся героями деревенской прозы: они несут в себе традиции, обычаи, культуру нашего народа, обращение к корням, к чести, совести этноса. Деревенская литература пробуждала глубинную память, родовую, этнически-племенную. Память указывала на пахаря, крестьянина как хранителя духовных основ нации. В. А. Курочкин, так же как и его современники, считал деревню основой русской жизни, а литературу о ней — органичной частью отечественной культуры.

В следующем небольшом рассказе «Тетя Вера» (впоследствии переименованном в «Страницу жизни», затем в «Мачеху»), вышедшем в 1955 г. в «Смене», писатель решает проблематику целой повести. Это уже не описание дня жизни пастуха, а решение серьезного психологического конфликта. Описание деревни с ее животным и растительным миром отходит на второй план, идет как бы фоном. Главным же становится внутренний мир героев, их переживания и характеры. Писатели-деревенщики обратятся к психологизму героев десятилетие спустя, В. И. Белов, В. Г. Распутин, Ф. А. Абрамов, В. А. Солоухин и другие начнут ставить личные интересы героев выше общественных. Курочкин оказался одним из первых.

В рассказе он рассматривает тему взаимоотношений мачехи и падчерицы. Традиционно в русских сказках мачеха выступала главной злодейкой, но в жизни, как и в литературе, бывало всякое. Курочкин в рассказе создает три женских характера, абсолютно разных по возрасту и образованию, — это пятилетняя девочка Лена, тетя Вера, молодая женщина, по воле случая ставшая мачехой, и бабушка Лены, пожилая женщина Авдотья Гордеевна, заменившая мать внучке. Столкновение между ними обостряет конфликт. Курочкин достоверно описывает психологические тонкости этих сложных взаимоотношений. В ход идут и поджатые губы бабушки, и слезы и обиды маленькой Лены, и терпение и любовь Веры Сергеевны. Курочкин создает свою мачеху доброй, сочувствующей женщиной, которой удастся найти подход к ребенку. Это новый образ мачехи, далекий от Астафьевского в «Царь-рыбе». Почти через двенадцать лет после «Тети Веры» схожую героиню напишет Мария Халфина в повести «Мачеха», по которой будет снят одноименный фильм.

Дальнейшее развитие психологизма, раскрытие внутреннего мира героев мы видим у Курочкина в рассказе «Дарья» (1955). На передний план повествования выступает тема женского соперничества. Но и вечный сюжет «любовного треугольника» Курочкин разрешает по-своему, без лишних сантиментов изображает жизненную трагедию.

Помимо психологической в рассказе поставлена и проблема взаимоотношений города и деревни: «Мне все говорят: “Красивая ты, Дарья, как артистка; тебе бы только в городе жить”. А я в Ленинграде жила у тетки. Уехала. Небо там в самый ведренный день за крыши цепляется, а солнце глядит, словно через стекло немытое. Шум, звон, пахнет дымом, горелой резиной. Пойдешь в сад: деревья важные — не подступись. Трава нежная — не дотронься, а то штраф. В пруду лебеди плавают с подрезанными крыльями. И такие жалкие, что скучно на них глядеть. Люди там все куда-то спешат, торопятся» [1].

Следует заметить, что подобный взгляд на уход человека от природы в литературе обретет устойчивость в конце 1960-х – начале 1970-х гг. До этого проблема города и деревни рассматривалась под общественно-политическим углом. В ней преобладали вопросы неоплаты трудностей, незаинтересованность в урожае, упадок деревни, массовый отток молодежи в город, непрестижность колхозного труда. Курочкин же словно предвидел наше сегодня, когда проблемы экологии во многом определяют тягу людей жить на природе. Курочкин по классическому роду своего таланта необыкновенно чувствовал неразрывную связь человека с природой.

Дарья остается одна с ребенком. Характер ее меняется, она становится сильной, жесткой. Курочкин очень хорошо передает эти перемены через совсем незначительные, казалось бы, детали. Это уже другая Дарья, женщина, мать, одинокая. Конец открытый, но он только усиливает драму, психологическое напряжение. Читателю уже все ясно.

— Как живете, Дарья Михайловна? — поинтересовался я.

Она опять быстро взглянула на меня.

— Пейте чай, а то остынет, — и резко отодвинула блюдце.

Стакан громко звякнул, как будто ему стало больно [1].

Не правда ли, концовка выстроена из психологических деталей, выстроена так, как позже в деревенской прозе, значительно позже, будут работать над темой села другие писатели. Да и героини, подобные Дарье, появятся и станут популярными только в конце 1960-х. В рассказах Евгения Носова «Шумит луговая овсяница», Ирины Велембовской «Женщины» и последующей экранизации, в сценарии Леонида Аграновича «Человек родился», в фильмах «Приезжая», «Москва слезам не верит» и многих других будет разрабатываться подобный типаж. Курочкин действительно бежал впереди своего времени.

Основными темами произведений деревенских писателей его поколения были характерные для очеркистов того времени проблемы. Вс. Сурганов справедливо заметил об этих произведениях: «Борьба “инициативы с бюрократизмом” стала сюжетным стержнем и общей приметой очерков, написанных в те же 1950-е гг. Анатолием Калининным (“На среднем уровне” и “Лунные ночи”), Михаилом Жестевым (“Под одной крышей”), Григорием Баклановым (“В Снегирях”) и другими разведчиками весеннего боя, развернувшими свой публицистический партийный поиск в обстановке растущего экономического и общественного подъема в колхозной деревне» [2].

Курочкин, как мы отмечали, своими рассказами уже здесь во многом отличался от современников. Он создавал художественные образы, акцентируя внимание читателей на внутреннем мире своих персонажей, на сложной психологии, противоречивости характеров. Курочкин не писал абсолютно отрицательных или абсолютно положительных героев, как то нередко было характерно для всех деревенских очерков того времени. Он, как и в жизни, старался понять своих героев, найти в них и хорошее, объяснить их поступки, показать их внутренний мир. Таков, например, рассказ «Большой политик» (в последующих переизданиях — «Яба»). По сути это — типичный очерковый рассказ о председателе, схожий по теме с рассказами деревенщиков конца 1950-х — начала 1960-х гг. Однако у Курочкина рассказ приобретает совсем иную смысловую наполненность. Здесь и противостояние двух характеров, и спор теоретиков и практиков, который разразится через десятилетие. Курочкин как бы предвидел и предчувствовал, что талантливый творческий человек обречен на крах мечты и идеалов, что и приносит в душу равнодушных откровенное разочарование.

Опыт художественного повествования, обретенный в рассказах, использует Курочкин в первой своей повести «Заколоченный дом», написанной в 1954–1955 гг.

Почти все критики, откликнувшиеся на повесть, упрекали Курочкина за то, что он якобы теряет нить повествования, непонятны герой и концовка. Но чем был важен для Курочкина Овсов? Зачем он был нужен? Чтобы на его фоне показать образ Трофимова. Овсов нужен для контраста, как противоположность, как Штольц для Обломова или Ленский для Онегина. Необходимые пары героев. За счет второго героя писателю удастся в полной мере раскрыть образ другого и наоборот. Этот прием, свойственный классической литературе, оказался удачно использован Курочкиным. Причем герои у него идут не параллельно. Повесть начинается знакомством с одним героем, а заканчивается — другим. Овсову Курочкин уделяет в повести вдвое больше места, чем Петру, так из тринадцати глав восемь об Овсове и лишь четыре о Петре, одна глава посвящена им обоим. Об Овсове и его исканиях говорится подробнее, там, где о его жизни в городе, переезде в деревню, о его детстве и его роде, рассказывается в четырех главах, то же самое о Петре дается в одной главе и т. д. Таким образом, композиция отражает смысл повести, у Овсова сложный характер, он нерешительный, сомневающийся, сложная натура, у Петра же все просто и понятно. Эта находка Курочкина довольно интересна, и таких находок в повести немало.

Главной темой деревенщиков 1960–1970-х гг. станет уход из деревни, угасание деревни. Курочкин же задолго до этого показывает возвращение своего героя в деревню и невозможность его в ней существования, перемены в деревенском укладе, противостояние общества, колхоза и человека. То есть он уже заранее дает ответ на вопросы: а почему люди не возвращаются в деревню? Что надо изменить, чтобы воскресить русскую деревню, поднять ее, вернуть в нее людей?

Автор заостряет внимание на внутреннем конфликте личности, оба героя сталкиваются с трудностями на пути к своей мечте, и это не только внешние обстоятельства, главная борьба разворачивается во внутреннем мире героя. Курочкин показывает нам искания, метания героев, их мысли, желание все бросить, сдаться, вспыхивающую надежду, испытание силы воли. Таким образом, Курочкин одним из первых отходит от плоскостного изображения характеров, которое, наравне с бессюжетностью, бытовало в первых советских очерках о деревне. Вероятно, эта сложность обуславливала тот факт, что критики так и не смогли понять замысел Курочкина и так резко высказывались о повести за ее непонятность. Ведь по сути два героя — это романная структура. Курочкин в повести приближается к форме романа, которая вскоре станет популярной у деревенщиков.

Курочкин часто использует в своих произведениях символический план. Так, во сне Овсов видит погибающую березу без корней — это предвестник того, что и сам Овсов погибнет без своих корней. Овсов, подобно этой березе, отстоит от всех, он теряет самое дорогое в своей жизни. Жена без него продает дом. И, хотя сначала он мнет и бросает договор на пол, у него все же не хватает сил сопротивляться:

— Продал дом, Маша. Продал, конец всему. А ну, пусти меня! — неожиданно закричал он, оттолкнув Михаила. — Ты думаешь, я от вина пьян? Эх, вы! Разве я дом продал? Я себя продал! Свой род овсовский [1].

Петр же, находясь в похожей ситуации, борется за свою идею, несмотря на равнодушие и непонимание колхозников. И, когда его задумка осуществляется, он счастлив, он готов свернуть горы, видя заколоченный дом, он восклицает:

— Расколотим и тебя! Слышишь ты, расколотим! [1].

Это значит, что Петр справится со всем, он не сдастся, вернет в деревню людей. Воскресит свою малую родину, не побежит от трудностей, не сломается, как Овсов.

Тема заколоченного дома, начатая Курочкиным, продолжится и получит свое развитие в «Памяти Земли» Вл. Фоменко, в «Прощании с Матерой» В. Распутина, в завершающем тетралогии о Пряслиных «Доме» Ф. Абрамова и многих других произведениях. Курочкин на многие года опередил своих современников по постановке сложных вопросов деревенского быта, открыл новые темы, необычных героев. Вот почему эта повесть, как нам представляется, имеет большое значение в развитии деревенской темы.

Сразу после выхода «Заколоченного дома» в 1958 г. в журнале «Нева» печатается рассказ «Лесоруб», по сюжету он схож с рассказом «Тетя Вера», только здесь речь идет не о мачехе, а об отчине и герой рассказа — мальчик Васька, лесоруб, как его прозвали в деревне. С первого взгляда рассказ также о деревне, о типичных деревенских темах. Деревенский мальчишка растет без отца, после войны подобных историй было много, и в литературе они появлялись также нередко. Вспомним хотя бы «Поздним вечером» Ю. Бондарева, «Безотцовщину» Ф. Абрамова, «Девочку из города» Л. Воронковой, «Несколько историй из жизни очень маленького мальчика» В. Пановой и другие. Тема сиротства так или иначе возникала в произведениях 1950–1960-х гг., хоть и не всегда причиной этому становилась война.

Курочкин в первых же абзацах рассказывает нам всю жизнь Васьки, его трагедию.

Серафима Ивановна улынулась:

— Лесоруб?.. Почему Лесоруб?

Васька набычился и, глядя исподлобья, буркнул:

— Нипочему.

Серафима Ивановна нахмурилась:

— Так разговаривать нельзя. Когда тебя спрашивают, надо отвечать.

Васька, закусив губу, всхлипнул.

— Мамка меня в подоле с лесозаготовок принесла... — И на-
взрыд заплакал.

Вот так начались у Васьки в школе нелады [1].

Курочкин захватывает внимание читателей и удерживает его на протяжении всего рассказа. Включает читателя в сопереживание этому мальчишке. У Васьки острый критический ум, он отлично соображает:

Серафима Ивановна, посмотрев на потолок, диктует:

— Колхозная корова Зорька вчера дала тридцать литров молока, а сегодня — сорок. На сколько литров Зорька повысила удой? Думай, Федулов, думай.

Васька ставит острые, пьяные цифры и думает: «Это зимой-то сорок литров! С ума, наверное, сошла Серафима...» [1].

Удивительный тонкий, интеллигентный юмор Курочкина, появившийся еще в рассказе «Тетя Вера», и здесь проявлен блестяще. Если там он еще не так значителен, то здесь иронии отводится гораздо больше места. В этом рассказе Курочкин также использует его, чтобы уравновесить грустное. Юмор Курочкина так и остался неповторимой отличительной чертой его стиля.

Еще одна повесть, в которой отражены проблемы колхозов, губительность для русской деревни установок руководящих работников, и наиболее целостно представлены взгляды писателя на проблемы деревни тех лет и недоработки в политике партии, — «Записки народного судьи Семена Бузыкина». Хотя повесть и относится к ранним произведениям писателя, опубликована «без купюр», полностью, она была только после его смерти, в 1988 г. Это автобиографическая повесть о времени, когда Виктор Курочкин работал судьей. Курочкин судил в 1949–1951 гг., как раз в непростые послевоенные годы, а повесть написал в 1962 г., когда уже состоялся как писатель. По своей направленности повесть остросоциальная. Цензура ее не пропустила, и она долгое время так и пролежала в столе. Хотя для своего времени была удивительно нова, революционна. «Записки народного судьи Семена Бузыкина» — единственная повесть Курочкина, написанная от первого лица. Этим она уникальна среди других произведений писателя. И надо сказать, что Курочкин справился с первым лицом блестяще.

Жанр записок был довольно популярен в 1950–1960-е гг., к примеру, «Записки агронома» Г. Тропольского. Бич административной системы также частая тема деревенской литературы тех лет, отражена она у многих писателей его поколения. Например, рассказ «Суд» В. Тендрякова или повесть «Карпухин» Г. Бакланова. Однако у Тендрякова суд описан справедливым и гуманным, у Бакланова также судья — хороший мужик, на которого не обижаются, у Курочкина же описаны изведенные на собственном опыте тяжелейшие нравственные переживания судьи, он снова пишет «изнутри», и потому получается глубже, правдивее. Для Курочкина главным становится лирическая составляющая, его герой — Семен Бузыкин — влюбляется, страдает, жалеет подсудимых. Тендрякова, Бакланова и других писателей того времени больше интересует несовершенство судебной системы и отдельные безразличные чиновники.

Судить Курочкину было невообразимо сложно, не будучи религиозным человеком, он отразил в своих повестях основные заповеди, считая их своими моральными принципами. Он хорошо знал: «Не суди да не судим будешь», эту заповедь и ощущает острее всего его главный герой, новоиспеченный судья: «Как я мучился и переживал, когда в первый раз лишил человека самого дорогого — свободы. А что, если он не виноват? От этой мысли

я вскакивал в глухую полночь и вытирал со лба холодный пот. Не прошло и года, я стал автоматом. Осудив человека на пятнадцать лет, я моментально о нем забываю, с аппетитом ем, с удовольствием пью и засыпаю крепким сном, с сознанием, что сегодня я много потрудился на пользу Отечества» [3]. Курочкин здесь говорит об издержках профессии. Этот отрывок часто цитируют в работах по судебной этике. Где та самая грань и как судье спокойно осуждать людей и не сомневаться в их виновности, ведь судья тоже человек, а человеку свойственно ошибаться. Судья Бузыкин — единственный судья в прозе той поры, переживающий за каждого подсудимого. Хотя он и говорит, что стал автоматом, в повести мы видим, как он пытается отстоять каждого несправедливо осужденного человека. Больше всего тяготит Бузыкина дело об осужденной девочке-почтальонше, своровавшей пособие из-за бедности. Бузыкин пожалел ее и присудил условный срок, а прокурор опротестовал, и в итоге ей дали семь лет. А все из-за соперничества областного суда и поселкового да из нежелания прокурора получать палочки. На человека судебной системе наплевать, и герой никак не может с этим смириться. Ситуация очень жизненная и неслыханная для литературы 1950–1960-х гг. Г. Бакланов в повести «Карпухин» также рассказывает о несправедливо осужденном человеке, но там речь идет не столько об ошибке системы, сколько о несправедливом общественном мнении, против которого и не решается бороться следователь, суд же в целом оказывается справедливым и даже один из присяжных пишет свое особое мнение.

Слишком много в повести у Курочкина разоблачений. И прежде всего дело касается работников госорганов, начиная с первого секретаря, председателя райисполкома, инструктора райкома и заканчивая даже МГБ: «Когда я попытался рассказать об этом случае начальнику отдела МГБ майору Угрюмову, он грубо оборвал меня и с угрозой предупредил, чтобы я бросил разводить клевету на их органы» [3].

Курочкин не говорит о том, что все работники госорганов таковы. Напротив, многие из них оказываются хорошими, честными людьми, и становятся друзьями Бузыкина. В частности, Чекулаева. В ее адрес Курочкин по-доброму иронизирует: «Скорее всего Чекулаева для работников района — их утраченная совесть» [3]. Курочкин как художник, создавая образы, стремится, прежде всего, показать их характеры, для него это важнее поиска виноватых и их осуждения. Философская истина, усвоенная судьей Семеном Бузыкиным после поездки на подножке поезда с осужденным им преступником, становится девизом всего его творчества. «Когда я вспоминаю этот дорожный случай, меня передергивает, как от озноба... И в то же время этот случай заставил меня смотреть по-другому на человека. В самом плохом, отвратительном я пытаюсь отыскать хоть крупицу доброго, хорошего. И когда мне преподносят человека как пример идеальности, я этому так же не верю, как и не верю, когда мне говорят о человеке как о кладезе зла и пороков» [3].

Курочкин хоть и обличает существовавший партийный порядок, но делает это с иронией, характерной для него и в ранних произведениях. И Бузыкин его самоироничен, остроумен и умеет пошутить и посмеяться над собой: «Я объездил почти все колхозы, и везде меня с почетом встре-

чали, во всем старались угодать и хвалить. И не как-нибудь там за глаза, а при всех, публично. Выходит человек на трибуну или просто к столу и говорит, какой я умный, образованный, преданный сын... Откуда это они все про меня знают? Они же в первый раз меня видят. Удивительно прозорливые и умные в Узоре люди» [3]. Ирония делает текст легче для восприятия и в то же время не лишает его серьезного, важного смысла.

В качестве одной из причин кризиса деревни того времени Курочкин называет нерадивые районные приказы и спущенные сверху планы, которые, как правило, оканчиваются для колхозников и колхоза полным разорением с последующим загниванием, опустошением деревни. Читаем:

— Э, Семен Кузьмич, и в прошлом году урожай был не хуже, а получили на трудодень всего по двести граммов. А почему? Потому что половина погибла на корню, не убрали. А кто виноват? Думаешь, я — председатель? Колхозники? Как бы не так, — он вытащил кiset с табаком, свернул папиросу, закурил и вместе с дымом выдохнул: — Торопиловка во всем виновата [3].

Этот мотив есть и у В. В. Овечкина, и у Г. Н. Троепольского, и у В. Ф. Тендрякова, и у других, но у них проблема решается, все недостатки устраняются. Именно эта тема и становится конфликтом многих произведений ранних деревенщиков, но у них обязательно умные, сообразительные, партийные работники новой заправки находят решение. Курочкин же написал, как было на самом деле.

Курочкин открыто говорит о бедности людей в деревне. Ухорин живет в каморке. Другая колхозница, оставшись без пособия на детей, едва сводит концы с концами и даже хочет покончить с собой: «Во всем: и в перешитом черном кашемировом платье, и в старомодных с высокой шнуровкой румынках, и в синем застиранном платочке проглядывала вопиющая бедность» [3]. Вопрос о том, как бороться с бедностью, в то время был не праздный, но отобразить его в литературе было невозможно, писатель должен был показывать картину изобилия сел и колхозников. Вообще, стоит заметить, что Курочкин в литературном процессе тех лет выглядит этаким «блаженным», «юродивым», особенно ярко это заметно не только в этой повести, но и во всей его прозе.

Внутренняя чистота подразумевает и духовность прозы. Как мы уже подмечали, важным в его прозе, хоть, возможно, и непреднамеренно, оказываются основные христианские заповеди. Эта непростая для писателя, уже наметившаяся вскользь в других произведениях, тема религии раскрыта здесь в полной мере. Курочкин говорит о вопросе религии значительно сложнее того, как он проявлен в обществе. Он не проповедует веру, но хочет разобраться, понять, и невольно шутит, видя глупость многих антирелигиозных лекций. Курочкин говорит здесь и о неосведомленности в сложных философских вопросах практически целого поколения, выросшего в атеизме, отречении от своих корней, обычаев, традиций наших предков, и о том, что деревня во многом сохранила эти традиции, обычаи, простой безграмотный мужик знает о вере и об устройстве мира куда больше обра-

зованных лекторов, об этом говорит эпизод с антирелигиозным лектором, которого простой крестьянин своим вопросом поставил в тупик и выставил на посмешище.

— А почему корова ходит лепешками, а овца горошками? Озадаченный лектор пустился в пространные толкования о биологических свойствах разных организмов, запутался и сказал, что к этому вопросу он не готов, а в следующий раз он на него обязательно ответит. А старикашка с искренним сожалением покачал головой и сказал:

— Эх, товарищ, товарищ... Сам в дерьме не разбираешься, а нам о боге толкуешь [3].

Герой готовится прочесть похожую лекцию, а в итоге празднует вместе с колхозниками Ильин день.

Если у Г. Н. Троепольского все рассказы «Из записок агронома» написаны сатирически, и направлены лишь на высмеивание и осуждение пороков, то у В. А. Курочкина преобладает драматическое начало, где и несостоявшаяся любовь героя, и печальные эпизоды из жизни других персонажей, с кем сталкивает Семена жизнь. И, хотя Курочкин не оставляет своей иронии, все сильнее выступает чувство обиды за несправедливости, которые преследуют судьбу. Горько, что в человеке ломается стремление к правде, к борьбе за истину. Ему объясняют, что бороться против установок власти бесполезно. Возможно, именно эта повесть определила череду отказов в публикациях Курочкина, который долгое время оставался в тени.

Писатель как бы отказался от острых проблем деревенской литературы тех лет и в следующих своих произведениях «Наденька из Апалева», «Последняя весна», «Урод» занимается глубоким психо-философским анализом жизни и человека. И, хотя действие в них по-прежнему происходит в деревне с неизбежной красотой природы, тихим укладом сельской жизни, с ее традиционными обитателями, Курочкин означает в своей прозе новый этап своего развития, пишет психологические драмы.

Первой в ряду этих психологических драм стала повесть «Наденька из Апалева» (1961). Наденька — символический образ для всей прозы Курочкина. Это одновременно и новый, нетипичный образ для литературы 1950–1960-х. Она увечная, некрасивая девушка. Но именно эта внешняя некрасота нужнее писателю для контраста с душевной ценностью Наденьки.

Наденька живет ради счастья других, как святая. Она совершенно отчаялась устроить свою личную жизнь, поставила на себе крест как на девушке: «Одевалась небрежно: платья на ней болтались, туфли вечно были с обшарпанными носками и стоптанными каблуками, зеленый выцветший берет, казалось, навсегда прилип к ее черным прямым волосам. Парни старались ее не замечать, старые подруги повыходили замуж, новые нередко посмеивались над ней, за глаза называли халдой. Наденька на это не обижалась и беззаботно махала рукой, как бы говоря: “Как бы обо мне ни судачили, теперь уже не имеет никакого значения”» [1].

Образ шофера Околошеева, или просто Около, как его все называют, как ни странно, близок по характеру Наденьке. «Войдя в избу, Около снимал шапку, садился и молчал. Если была дома Наденька — она тоже молчала или брала книгу. Их молчаливую компанию охотно разделял Алексей Федорович. Намолчавшись вволю, Около заводил разговор с Алексеем Федоровичем» [1]. Мы сразу видим их схожесть, Около так же, как и Наденька, добрый и справедливый, и всем говорит правду в глаза. Он предупреждает воровство в колхозе, разбирается с лентяем Аркашкой, заставляя его работать, наказывает замужнюю Зинку, пытавшуюся завести с ним роман, и выводит ее на чистую воду перед всем колхозом. Наденька болезненно переживает это разоблачение, больше всего волнуясь за брак Зины, за ее счастье, она не хотела никого обидеть и тихо, безмолвно, готова была вытерпеть все поношения и гонения и пострадать за людей, пусть и не стоящих того. Ради чужого счастья Наденька готова была терпеть бесчестье.

Наденька — удивительный образ, созданный в противовес некрасивым и несчастным женским персонажам, известным по литературе. Счастье не во внешней красоте, верит Курочкин. Верит он и в то, что добро, как и в сказках, восторжествует и в жизни, и есть законы высшей справедливости, эту светлую веру в правду он пронес через все свои произведения. И он верит, что «Наденька будет счастлива! Может быть, не скоро, но обязательно будет. Это неписанный закон жизни. Вероятно, моя философия слишком старомодна и по-детски наивна. Но если кто насмеется и над ней, он также насмеется и над Наденькой» [1].

И действительно, Наденька находит свое женское счастье, ее доброта, отзывчивость вознаграждаются, она выходит замуж за Околошеева: «Думать, подбирать слова ей страшно мешала бурная радость; она старалась быть грозной, а была смешной и трогательной, она хотела казаться несчастной, а сама вся сияла, залитая мягким, теплым светом, тем светом, который раньше лишь изредка на минуту вспыхивал на ее некрасивом лице. Она была безмерно счастлива... Чего же еще надо!» [1].

«Наденька из Апалева» — это повесть о красоте человеческой души. Не о жалости, которую мы привыкли видеть при изображении некрасивых героинь. Наденьку не жалко, наоборот, мы восхищены ее удивительной внутренней красотой, красотой ее души. В основе повести, как ни странно, мы видим тот же сюжет Золушки, только Курочкин заостряет внимание на внутренней красоте, именно к ней нужно стремиться. Вроде бы всем известные мысли и сюжеты, но Курочкину удалось решить их по-новому. Именно этим его проза близка к классике, что и выделяет его в литературном процессе 1950–1960-х гг. И тем самым она оказывается вне времени.

И в повести «Последняя весна», вышедшей сразу после «Наденьки из Апалева», Курочкин продолжает идти по пути углубленного исследования человеческой души. Философский контекст, появившийся в «Записках народного судьи Семена Бузыкина» и развитый в «Наденьке из Апалева», в «Последней весне» достигает своего апогея. Главный герой повести «Последняя весна» — старик Анастас.

Начинается повесть с того, что старик стучит в закрытые двери, и читатель не понимает, почему он не может попасть в дом. Символический

план и в этой повести играет важную роль в понимании произведения. В названной метафоре — стука в дверь — можно разглядеть ключевые смыслы повести. Во-первых, герой не может достучаться до людей, не может объяснить им свое состояние. Во-вторых, понимает, что прошлое навсегда закрыто от него, и он не может вернуться к прежней жизни. В-третьих, постигает неизбежность ухода здоровья. И последние попытки вернуть силы оканчиваются пустым стуком.

Курочкин использует приемы субъективации, хотя повествование ведется в третьем лице, мы видим все глазами старика и понимаем его чувства. Анастас тяжело болен. Писатель подробно анализирует его болезнь, разбирается в его внутреннем мире, анализирует моменты забытья. Судьба Анастаса раскрывается с помощью приема ретроспекции: мы узнаем, что произошло с Анастасом, почему он заболел, как умерла его жена, а сын под влиянием супруги бросает отца на чужих людей.

С заботой и добротой хоть и чужих, но хороших людей Анастас приходит в сознание и понимает, что с ним произошло: «Анастас старался болеть как можно тише. Он с горькой обидой сознавал, что уж если стал в тягость родному сыну, то каким же неприятным, ненужным грузом он лег на плечи чужих людей, бескорыстно приютивших его, никудышного старика. Анастас, давно потерявший веру в Бога, теперь горячо, до слез умолял Его вернуть ему здоровье. И оно медленно, нехотя возвращалось к старику» [1].

Анастас тоже хочет быть полезным. Так появляется у него идея создания прудов и разведения карпов, эта идея, намеченная Курочкиным еще в рассказе «Пастух» и присутствующая и в других его произведениях, здесь обретает смысл, чтобы донести эту полезную идею до людей Анастас как раз и старается выздороветь, он и живет-то ради этого. Кульминацией повести становится поход Анастаса к председателю, чтобы написать завещание и рассказать ему свою идею. Понимая, что жить ему уже недолго, Анастас стремится оставить после себя что-то хорошее, нужное людям. Тогда и жизнь прошла бы не зря. Завещание, которое он написал и заверил, и идея, о которой рассказал, для него самое главное. Этот поход в люди изменяет жизнь Анастаса. После встречи старик впадает в болезнь и уже не приходит в себя.

Смерть — одна из главных проблем философии. На протяжении многих веков философы пытались осмыслить смерть, объяснить, постичь, выдвигали тысячи гипотез, суждений, учений. Но религия решала эту проблему гораздо проще. Курочкин близок именно к религиозному варианту понимания смерти, хотя о Боге мы здесь почти ничего не найдем. Она описана поэтично, легко, по-христиански: «Во всем было что-то ненастоящее, неземное. И солнце светило не так, как прошлой весной, и скворец пел странно, незнакомо, и даже пчелы жужжали совсем по-другому. Он поднял глаза и ужаснулся. Он не увидел неба. Одно огромное жгучее солнце. И чем больше смотрел на него Анастас, тем страшнее оно накалялось, плавилось и вдруг хлынуло в глаза неудержимым золотым потоком. И сразу стало темно. Послышался отдаленный, необыкновенно чистый звон колокольчиков. Он

нарастал, приближался, глож и вдруг зашумел, как первый весенний дождь. Анастасу стало так легко и отрадно, что захотелось лечь и вытянуться...» [1].

Курочкин, возможно, сам того не зная, отобразил православное восприятие смерти, как чего-то светлого, радостного. Это было ново для того времени и довольно смело. В конце выясняется, что завещание Анастас унес с собой. Курочкин здесь хочет показать, что материальное не важно, все это не главное в жизни. Луковы будут счастливы и без его дома, и им вовсе ничего не нужно было от него. Опять же это религиозный контекст, бренное и материальное имущество не несет в себе спасения для человеческой души, зато помощь, добро, которое Луковы сделали старику, и есть в религиозном понимании то самое благо, которое может помочь человеку спастись, так же как и те добрые поступки, которые перед смертью совершил Анастас.

Природа, как всегда, у Курочкина созвучна человеку. Осень символизирует старость, и именно в это время года мы знакомимся с героем. А смерть не случайно приходит к Анастасу весной, смерть — это ведь тоже рождение, рождение для новой жизни, которая лучше этой. И здесь человек у Курочкина связан с природой, с деревом. Если в «Заколотенном доме» выкорчеванная береза символизирует Овсова, то в «Последней весне» Анастас, как и Васька в «Лесорубе», сравнивается с яблоней, но здесь, срубленная, она символизирует его смерть: «Старая яблоня, срубленная Анастасом в начале зимы, лежала на земле, разбросав крючковатые ветви. Она еще была жива и пыталась в последний раз раскрыть свои вялые почки. Это была ее последняя весна» [1]. В этом есть удивительная поэтичность, свойственная всей прозе Курочкина.

Обычная жизнь тихого больного старика стала темой целой повести. Курочкин затронул в своем произведении главные моральные ценности, он написал психологическую драму. Смерть осмысливается Курочкиным в религиозно-философском контексте с оригинальной точки зрения автора. Не случайно в некоторых изданиях повесть «Последняя весна» обозначается как рассказ, хотя по объему и смыслу — это скорее повесть, но жанр рассказа подразумевает новое мироздание, новый взгляд на устройство мира. Мировой литературе известно множество рассказов-мирозданий: «Старик и море» Э. Хэмингуэя, «Возвращение» А. Платонова, «Судьба человека» М. Шолохова и другие, думается, что «Последняя весна» Курочкина по своей внутренней завершенности, языковой и смысловой точности может встать в этот ряд. Повесть уникальна для литературного процесса того времени и меняет представление о нем. В период преобладания повестей с общественно-политическими проблемами, Курочкин возрождает в советской деревенской литературе духовные традиции русской классики.

Еще одна повесть, которая также близка к классическим произведениям русской литературы и написана в том же жанре психологической драмы, — «Урод» (1966). Она особняком стоит в творчестве Курочкина, да и в литературе вообще, это повесть как бы с двойным дном. Она ставит перед читателем множество вопросов. Да и критики порой с трудом могли ответить на них, что привело к однобокой оценке. В основном поняли ее

слишком примитивно, как повесть о таланте и бездарности. И вышло, как в повести «Урод», где сказано о фильме: «В общем, статья была написана так, что невозможно было понять, хорошая картина или плохая» [1]. А повесть на самом деле интересна и неоднозначна.

В центре ее мы так же, как и в предыдущих произведениях, видим внутренний мир, но уже не одного героя, а двоих, причем второй герой — собака. И, если собака находится в гармонии с собой и окружающим миром, пес, по кличке Урод, не ищет славы или признания, он живет простыми радостями и оказывается мудрее своего хозяина, то Отелков все время пытается найти свое место в жизни, обрести смысл существования. «Вот так и я, — подумал Иван Алексеевич, — покручусь, попрыгаю туда-сюда и рассыплюсь, как эта пыль. И никто обо мне не вспомнит, что был артист Иван Отелков. Он многого хотел и ничего не получил. Но ведь для чего-то я родился, для чего-то люди рождаются!» [1] Изображая духовные искания героя, Курочкин задается теми же философско-риторическими вопросами, что и русская классическая литература: в чем смысл человеческой жизни? Для чего мы живем? Ведь именно русская классическая литература в России во многом заменила философию, и в то же время именно на ней нередко основывались концепции западных философов, например, произведения Ф. Достоевского для А. Камю. Этой философичностью насыщены поздние произведения Курочкина, он будто бы впитал ее в себя вместе с прозой русских классиков.

Перед нами опять же совсем непривычный для литературы тех лет герой. Его Отелков — противоречивый персонаж. В нем удивительно сочетаются абсолютно разные черты характера. С одной стороны, он безвольный трус, сидящий на дядюшкиной шее, ему стыдно за свое безденежье, но он очень зависит от общественного мнения и в этом отношении очень похож на русского аристократа из XIX в., кутилу, промотавшего имение и сделавшего огромные долги, но при этом не желающего в этом признаться. С другой стороны, он умный, интеллигентный, добрый, жалостливый. Иван Алексеевич исключительно русский характер с широкой щедрой душой. Он хорошо относится к пожилому соседу Штукину, жалеет его, оказывает ему знаки внимания, и старик становится его единственным настоящим поклонником. Отелков подбирает искалеченного щенка, из жалости не может расстаться с любящей его женщиной.

Название повести «Урод» в большей степени относится даже не к искалеченному псу, по кличке Урод, а к самому Отелкову, к его характеру и искалеченной жизни. Пса искалечили люди, щенком он, погнавшись за котенком, попал под телегу, и ему раздробило таз, изуродованного, его выбросили умирать в пруд, но он выжил и, несмотря ни на что, не озлобился на людей. Не сердится он и на хозяина, забывающего его кормить: ««Он и сам-то, кажется, не жравши ходит. Бедняга!» — пожалел Урод хозяина» [1]. Отелков же сам делает себя уродом, и при этом обижается на людей.

Урод у Курочкина наделен сознанием. Это совершенно новый взгляд на собаку, в сравнении с Каштанкой у А. Чехова, Бимом у Г. Троепольского и Мухтаром у И. Меттера. У Урода вполне человеческие мысли, а не животные инстинкты:

— Спокойнее, спокойнее. Что это со мной? Надо взять себя в руки [1].

Кроме того, Урод — тонкий психолог, он умнее многих людей, и всегда чувствует, в каком они настроении и как себя с ними вести. Он скромный, несмотря на похвалу и роль в кино, в отличие от Отелкова, он понимает, что слава — это наносное, ненастоящее, пустое, что это не главное в жизни и не приносит счастья: «Кроме всех прочих достоинств Урод обладал философским складом ума и отлично понимал, что теперешнее его положение — явление временное, похожее чем-то на необыкновенный сон» [1].

Отелков занимался с псом и многому научил его. Поэтому если Урод талантлив, то талантлив и его хозяин. Кроме того, о том, что Отелков вовсе небездарный человек, говорит и тот факт, что он, осознав свою неспособность к актерской игре, болезненно это переживает. Как справедливо заметил один из критиков, отзывавшийся на повесть, бездарь не сумел бы увидеть своей бездарности, не переживал бы так ее остро. Отелков просто занимался всю жизнь чужим делом. Но при этом Отелков слабоволен, он часто дает себе слово, обещает себе изменить жизнь, но силы воли нет, и все остается по-прежнему. Также происходит и в конце, увидев картину и осознав свою бездарность к актерской профессии, Иван Алексеевич обещает начать новую жизнь, но у него не хватает решительности, и повесть оканчивается тем, что он едет сниматься в новом фильме. Отелков своего рода Обломов в искусстве, они во многом схожи с Овсовым из «Заколоченного дома». Он плывет по течению, не борется, во многом зависит от общественного мнения и не решается ему противостоять. В этом, по мнению Курочкина, и есть его главная беда. Идеал героя для Курочкина — яркая индивидуальность, не идущая на поводу общественного мнения, а выдерживающая свою линию жизни, какой была, например, Наденька.

Проза Курочкина о деревне сосредоточена на внутреннем мире человека. Кодекс чести и совести принципиально важен в жизни его героев, а моральные законы их близки библейским заповедям, которые составляют в себе религиозный подтекст. Человек у Курочкина неотделим от природы. Только прислушиваясь к природе, человек может жить в гармонии с собой и окружающими. Доброта, отзывчивость, самопожертвование черпаются его героями именно оттуда. У Курочкина все просто и мудро, животные часто у него оказываются умнее людей, а деревья переживают невзгоды так же, как люди. Это позволяет ему выйти к лирическому повествованию. Больше того, Курочкин создает своеобразный жанр лирического повествования, свою оригинальную трактовку бытия.

В современном литературоведении о В. Курочкине чаще всего говорят как о писателе-баталисте, но, как мы видим, деревенская проза Виктора Курочкина не менее важна для литературного процесса тех лет, имеет свою специфику и особенности и выделяется среди других произведений данной темы писателей его поколения. Многие образы и темы, найденные Курочкиным, впоследствии будут главными в произведениях писателей-деревенщиков второй волны (В. Распутина, В. Шукшина, В. Белова и др.). Таким образом, деревенская проза В. Курочкина оказала значительное влияние на дальнейшее развитие литературы о деревне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Курочкин В. А.* Повести и рассказы. Л.: Худож. лит., 1978. 400 с.
- 2 *Сурганов Вс.* Человек на земле. М.: Сов. писатель, 1981. 624 с.
- 3 *Курочкин В.* На войне как на войне. Повести, рассказы / сост. Г. Е. Нестеровой-Курочкиной. (Библиотека журнала «Знамя»). М.: Правда, 1990. 480 с.
- 4 *Храпченко М. Б.* Художественное творчество. Действительность, человек. М.: Сов. писатель, 1982. 416 с.
- 5 *Вильчек Л.* Пейзаж после жатвы: Деревня глазами публицистов. М.: Сов. писатель, 1988. 309 с.
- 6 *Ковский В.* Между прошлым и будущим. Заметки о деревенской теме в современном литературном процессе // Дружба народов. 1979. № 6. С. 243–261.

© 2017. **Tatiana B. Pankratova**
Moscow, Russia

RURAL PROSE OF V. A. KUROCHKIN

Abstract: The rural prose of Kurochkin is almost unexplored. Some of his works appeared only after the death of the writer. Many of his rural works weren't republished and are unknown to the modern reader. We believe that Kurochkin's disagreement to abide by party rules became the reason for that. He courageously expressed his views in works which often led to failures in reprinting and publication of his numerous works. Yet at the same time he was not exactly a dissident as he didn't call for overthrowing of a ruling system at all, and was artistically truthful and good-heartedly ironical in his portrayal of injustices and shortcomings which he had to face in life. A human being with a complex inner world stood always at the centre of his works, which is why his works were timeless and still are urgent to this day. Paper explores the main works of Victor Kurochkin dedicated to the rustic life in order to prove innovative and original character of his rural prose in the context of works of writers of his generation. Many works are under study for the first time. The article helps to detect the main features of Kurochkin's rural prose. The works are examined in comparison to his other works of the 50-60th years. Besides, the evolution of rural prose of Kurochkin is shown. Cultural and historical, systemic, typological and structural-semantic methods of the analysis of the text are used giving a chance to include the object of studying in common cultural space. Article changes our understanding of literary process of that time. Innovation and originality of rural prose of Kurochkin are highlighted.

Keywords: rural prose, psychologism, inner world, irony, fauna, nature, internal beauty, village problems, old men, fading of the village.

Information about the author: Tatiana B. Pankratova, Applicant for PhD Degree in Philology, A. M. Gorky Literary Institute, Tverskoy Blvd St., 25, 123104 Moscow, Russia. E-mail: Terraincognita-825@yandex.ru

Received: January 12, 2016

Date of publication: March 15, 2017

REFERENCES

- 1 Kurochkin V. A. *Povesti i rasskazy* [Novels and stories]. Leningrad, Hudozh. lit. Publ., 1978. 400 p. (In Russian)
- 2 Surganov Vs. *Chelovek na zemle* [Man on earth]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1981. 624 p. (In Russian)
- 3 Kurochkin V. *Na vojne kak na vojne. Povesti, rasskazy* [A la guerre comme à la guerre. Novels, short stories], compiler G. E. Nesterovoj-Kurochkinoj. (Biblioteka zhurnala «Znamja» [Library journal "The Banner"]). Moscow, Pravda Publ., 1990. 480 p. (In Russian)
- 4 Hrapchenko M. B. *Hudozhestvennoe tvorchestvo. Dejstvitel'nost', chelovek* [Art work. Reality, man]. Moscow, Sovetskij pisatel', 1982. 416 p. (In Russian)
- 5 Vil'chek L. *Pejzazh posle zhatvy: Derevnja glazami publicistov* [The landscape after the harvest: the Village through the eyes of the publicists]. Moscow, Sovetskij pisatel', 1988. 309 p. (In Russian)
- 6 Kovskij V. *Mezhdu proshlym i budushhim. Zametki o derevenskoj teme v sovremennom literaturnom processe* [Between the past and the future. Notes about the rustic theme in modern literary process]. *Druzhba narodov*, 1979, no 6, pp. 243–261. (In Russian)